

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ "ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ". ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА *

Говоря о Восточной Европе, обычно подразумевают регион, в который входят европейские страны, находящиеся под властью коммунистических партий и имеющие (или имевшие в прошлом, как Югославия и Албания) тесные политические, военные и идеологические связи с Советским Союзом. Сюда попадают Польша и Венгрия, но не Финляндия или Греция. Выходит, что Прага принадлежит Восточной Европе, а Вена, расположенная гораздо восточнее, — нет. Если "Восточная Европа" понимается как придаток к СССР, трудно определить, куда отнести такие западные республики Советского Союза, как Латвия или Украина, или даже саму Россию. Где же они находятся, если страны, лежащие к западу от европейских границ СССР, мы отнесем к Восточной Европе?

Термин "Восточная Европа" не слишком популярен в странах, для обозначения которых он был создан. Тем не менее, сама идея существования на европейском континенте особой зоны, называемой Центральной или Восточно-Центральной Европой, существует давно, а за последнее время становится все более популярной среди интеллектуалов Чехословакии, Польши и Венгрии. В 40-х и 50-х годах нашего столетия идею особой восточно-центральной европейской зоны, которую он назвал пограничной полосой западной цивилизации, выдвинул работавший в изгнании польский католический историк Оскар Халецкий.¹ Но еще за 30 лет до Халецкого чешский ученый и политический деятель Томаш Масарик, который во время первой мировой войны выступал за разрушение Габсбургской империи и создание независимого чехословацкого государства, использовал

* Из сборника "Cross Currents" (A Yearbook of Central European Culture), 1982, Edited by L. Matejka and B. Stolz, Ann Arbor.

аналогичную концепцию в поддержку своей программы "Новой Европы". По Масарику, это — особая в географическом и культурном отношении зона, включающая народы, которые обитают между немцами и русскими. Недавно опубликованная книга "Создание новой Европы", которая представляет собой биографию англичанина Роберта Уильяма Сетон-Уотсона, сыгравшего важную роль в разрушении Австро-Венгерской империи, и, одновременно, анализ политики времен первой мировой войны, вновь привлекла внимание к идеям Масарика, который, естественно, оказался одним из главных персонажей этой книги.²

Какой же смысл вкладывал в понятие "Восточно-Центральная Европа" Масарик? Впервые он публично высказался об этом в своей первой лекции, прочитанной в Лондонском университете в октябре 1915 г. Масарик отметил тогда "разительное различие" между западной и восточной частями европейского континента. На западе много народов и государств — больших, малых и средних, но в совокупности они образуют "некое национальное равновесие". Совершенно иначе обстоит дело на Востоке, где есть одна многочисленная нация — русские, и одно крупное государство — Россия, а остальные нации и государства невелики. Исключение составляют Германия и Австрия, но они лишь частично принадлежат Востоку, так как значительная часть каждой из них относится к Западу. По существу, продолжал Масарик, Восток и Запад не разделены четкой границей. Между ними лежит "особая этнологическая зона", простирающаяся от линии Триест — Салоники — Константинополь на юге до Гданьска и Петрограда — на севере. В этой зоне ряд малых народов жили и живут под владычеством Германии, Австрии, Турции или России.³ Эта зона, которая охватывает восточные области Пруссии, Балканы, Австро-Венгрию и "запад России", оказалась центром национальных антагонизмов, столкновения принципов государственности и национальной принадлежности. Именно здесь зародилось требование политического переустройства Европы, приобрели политическое значение вопросы национальности и языка.⁴ Впоследствии Масарик подробно обосновал эти положения в книге "Новая Европа", изданной в 1918 г. Он определил эту зону как земли, лежащие "между Востоком и Западом, точнее, между немцами и русскими".⁵

По мнению Масарика, национальный вопрос в Центральной

Европе приобрел особую остроту потому, что такие крупные государства как Австрия и Россия угнетали малые народы, которые обладали развитым национальным и социальным самосознанием, высоким уровнем культуры, имели традиции политической независимости. Налицо был не просто конфликт между этническими группами, а несоответствие между культурным уровнем ряда народов и их статусом угнетенных наций в политически реакционных государствах.⁶ С этой точки зрения антиавстрийская деятельность Масарика времен первой мировой войны представляется фактическим осуществлением давно выношенных им политических воззрений на природу монархий Центральной и Восточной Европы. Он считал их реакционными и "теократическими", а потому отрицал их законность не только на национальных основаниях (они — немцы и русские, а среди их подданных имеются и другие нации), но и на том основании, что они препятствовали свободному культурному и политическому развитию своих подданных.

Такая интерпретация подтверждается замечаниями Масарика о России в произведениях, написанных во время первой мировой войны и известных антиавстрийской и антигерманской направленностью. Однако Масарик явно относил Россию к той же категории государств, что Австро-Венгрия и Германия, и потому поддерживал идею национальной свободы для "цивилизированных" народов России точно так же, как и для народов Австро-Венгрии. Но в Российскую империю входили многочисленные народы не только Европы, но и Азии, и Масарик полагал, что в подавляющем большинстве они "необразованы и лишены национального самосознания".

"Сами русские не доросли до национального сознания: у народных масс есть их религия, а просоциалистически настроенная интеллигенция лишена национальных чувств".⁷

Масарик резко критиковал роль царизма в русской истории:

"Россия не испытывает недостатка в самых разнообразных естественно и исторически сложившихся культурных силах, но царизм оказался неспособным мобилизовать и организовать эти силы. В этом причина его краха и падения".

По мнению Масарика, царизм был причиной того, что сама революция в России оказалась "столь негативна, лишена конструктивных сил". Царизм не подготовил Россию к самоуправлению.⁸

Уже в конце 1917 — начале 1918 гг. Масарик считал, что "экстремистский негативизм" русской революции ослабляет вероятность ее влияния в Европе. И все же он полагал, что крах русского царизма ускорит падение "царизма Вены и Берлина". Чтобы положительно повлиять на развитие событий за пределами России, русская революция должна была бы быть "революцией сердец и умов". Но на этот счет Масарик большого оптимизма не выражал:

"Царизм русских масс и революционеров хуже царизма самих Романовых. Они избавились от царя, но не избавились от царизма".⁹

Критически относясь к русской революции, Масарик утверждал, что Россия не будет играть важной роли в делах Европы. "Пророчество Наполеона о казацкой Европе не сбылось", — писал он, веря, что Европа продолжала шагать к "свободе и гуманизму".¹⁰

"Новая Европа", которую хотели построить Масарик и его друг Роберт Сетон-Уотсон, рухнула через двадцать лет. В 1938 г. ей нанесла тяжелый удар нацистская Германия, а в 1939-1940 гг. ее поделили между собой Германия и советская Россия. После второй мировой войны эта часть Европы целиком подпала под власть Москвы. Главная вина за разрушение независимости Восточно-Центральной Европы лежит на двух ее могущественных соседях, но отчасти ответственны за это и сами народы этого региона. Хью и Кристофер Сетон-Уотсон пишут:

"Шестьдесят лет спустя легко видны недостатки того порядка, который был установлен в Центральной и Восточной Европе в результате победы союзных держав и распада Габсбургской империи. В каждом из новых государств возобладали дух ограниченного официального национализма... Каждое государство оказалось в плохих отношениях со всеми своими соседями или с большинством из них...".¹¹

Но какими бы ни были их ошибки и промахи, народы этого

мышление не способно разглядеть за политикой самое важное: жизнь отдельной личности, "судьбы народов", культурные преобразования.

"...великие столкновения цивилизаций, ... которые по-разному смотрят на человека и мир, на время и смерть".¹⁴

Одним из таких великих столкновений Кундера считает советское вторжение в Чехословакию в 1968 г. Ужас чехов, ставших свидетелями вторжения, говорит он, был вызван

"...беспредельной пустотой, угадываемой в лицах русских солдат, чуждостью цивилизации, которая мыслит иначе, имеет иную судьбу, живет в другую историческую эпоху... Политические режимы эфемерны, а границы цивилизаций прокладываются веками".¹⁵

Для Кундера важен не вопрос выбора между капитализмом и социализмом, он не против социализма, а тот факт, что Чехословакия — западная страна, колонизированная восточной державой, с чуждой для Чехословакии цивилизацией.

Кундера многократно возвращается к мысли о том, что Чехословакия относится к иной культурной сфере, чем Россия. Например, в беседе с Филипом Ротом он назвал "подлинно Восточной Европой" Россию с ее историей, которая уходит корнями в византийский мир. Чехия, Польша, Венгрия, Австрия никогда не входили в эту Восточную Европу; они — часть Центральной Европы и принадлежат к западной цивилизации. После второй мировой войны вся Центральная Европа, за исключением Австрии, была аннексирована "русской цивилизацией", и в результате западная культура потеряла "жизненно важный для нее центр притяжения".

Этим обусловлен пессимизм Кундера, когда он думает о будущем Европы в целом.¹⁶

Кундера обвиняет Запад в том, что он не понял смысла культурной революции, которая предшествовала Пражской весне 1968 г. Это непонимание он объясняет тем, что западная культура превратилась в "придаток политической системы". Запад не понял, что

"... самым страшным последствием русского вторжения был именно разгром чешской культуры".¹⁷

Кундера доказывает, что язык политики не дает ключа к правильному пониманию такой страны, как Чехословакия. Он считает, что вообще политические концепции не способны дать полного представления даже о политических системах. Хотя и Россия и Венгрия — коммунистические страны и в силу этого положительно сходны между собой, принципиальное значение имеет прежде всего тот факт, что в настоящее время Россия "стремится поработить мир, а Венгрия сама порабощена". В России население поддерживает режим, а в Венгрии сходный режим налаживается на всеобщее противодействие. Политическое

"Эта культура раздала импортированную политическую струю культуры, стремясь наполнить ее собственным содержанием, привести в нее собственные смыслы".¹⁸

Истоки и величие Пражской весны следует искать в культуре, а не в политике.

"...мало-помалу наши жизненные силы, самобытность страны, традиции ее тысячелетней истории — западной истории — начали разрушаться импортированную из России систему".

Милан Кундера, современный чешский писатель, который живет сейчас во Франции, по-видимому согласен с Масариком, так как подчеркивает ключевую роль национально-культурной жизни народов, утративших политическую самостоятельность. Он, вероятно, согласился бы и с выводом Сетон-Уотсона, что культура является мощной силой, которая противодействует насаждаемым извне политическим системам. Кундера пишет, что чуждая политическая система была навязана Чехословакии в 1948 г., но

региона не уступили внешней силе. Национальное самознание народов Центральной и Восточной Европы не было подавлено "ни нацистско-германским, ни советско-русским империализмом". Демократия как ее понимали во времена Роберта Уильяма Сетон-Уотсона, оказалась непрочной, а демократические свободы — "хрупким, ненадежным и временным благом", но "национальные культуры подтвердили свою неистребимость".¹²

Наблюдая за последствиями 1968 г., Кундера понял, что и культура может быть чрезвычайно уязвима, а, следовательно, и само существование нации не столь уж гарантировано:

”Если бы в детстве мне сказали, что когда-нибудь мой народ исчезнет с лица Земли, я счел бы такое пророчество полной бессмыслицей; такое я не мог бы даже вообразить. Человек знает, что он смертен, но он принимает как нечто само собой разумеющееся, что народ, в определенном смысле, бессмертен. Однако, после русского вторжения в 1968 г. каждый чех увидел, что его страна вполне может быть стерта с карты Европы — совершенно так же, как за последние пять десятилетий мир, даже не замечая этого, теряет 40 миллионов украинцев. То же случилось и с литовцами. Кто теперь помнит, что в XVII веке Литва была могущественной европейской державой? А ныне русские держат литовцев в резервации как полувывершее племя.

Не знаю, какое будущее уготовано моему народу. Одно лишь ясно: русские сделают все возможное, чтобы переварить Чехословакию в своей цивилизации. Удастся ли им это, не знает никто. Но такая *возможность* есть, и внешнезападной догадки о такой возможности достаточно, чтобы изменить смысл жизни человека. Сегодня даже вся Европа представляется мне хрупкой, смертной”.¹⁸

Разве не показательно, что Кундера, говоря об опасности, которая, по его мнению, грозит чехам, вспомнил о судьбе украинцев и литовцев? Не значит ли это, что и чехи и словаки, и западные народы СССР находятся в одной зоне, хотя ”чехословаки” формально образуют независимое государство, а остальные — столь же формально объявлены республиками, входящими в состав советской федерации. Не столь уж важно, помнил ли Кундера о концепциях Масарика. Мыслит он в том же направлении, относя западные народы, которые попали в состав советско-русского государства, к народам Центральной Европы.

Это вовсе не географическое понятие. Очевидно, Кундера усмотрел общность судьбы нескольких народов, которые в равной мере стоят перед угрозой потери своей культурной и духовной самобытности. Различие между ними лишь в продолжительности существования под гнетом. По данным одного из недавних

исследований, на белорусском языке не ведется преподавание ни в одной школе Минска, столицы Белоруссии. В украинской столице Киеве украинские школы есть, но их меньше, чем русских, хотя украинцы составляют большинство населения. Обучение русскому языку вводится сейчас даже в детских садах нерусских республик.¹⁹ Естественно, что этот далеко идущий замысел вызывает тревогу интеллигенции нерусских республик Советского Союза. Белорусский ученый и педагог Федор Янковский в недавно опубликованной статье ”Память сердца” со страстью и болью призывал спасти белорусский язык. Его чувства нашли отклик и в других республиках.²⁰ Белорусский ученый не случайно говорит о ”памяти сердца”. И для Кундеры национальное самосохранение есть ”борьба памяти против забвения”,²¹ ибо, ”если стереть память народа, то это — первый шаг к его уничтожению”.²² Забота о национальной памяти как оплоте национального самосознания сквозит не только в работах чехов или белорусов. Варшавский историк Марцин Крул также писал недавно о

”... прикрытом идеологическими мотивами разрушении прошлого в литературе и в школах Польши”.²³

Согласно другому современному польскому историку Богдану Цывинскому, цель официальных школьных программ в Польше заключается в том, чтобы ”разоружить национальное самосознание”.²⁴

Многочисленные факты свидетельствуют о правильности этих оценок. Документы, которые были опубликованы в 1980 г. независимым варшавским журналом, дают четкое представление об официальной программе переработки польской истории.

Среди этих документов — закрытые рецензии Академии педагогических Наук СССР на учебники по истории Польши. Они написаны с целью направить работу польских историков и руководителей учебных заведений. Московским критикам пришлось особенно не по душе неблагоприятные суждения о политике царской России, даже когда речь шла об угнетении Польши. (Следует иметь в виду, что рецензируемые учебники еще до публикации прошли официальную цензуру.) Критики были раздражены тем, что слишком ”много говорится — часто без особой надобности — о политике русификации”, которая практиковалась в

Польше в XIX веке.²⁵ Как стало известно из другого независимого источника,²⁶ пересмотр польской истории в духе любви к России по официально принятой терминологии называется "интернационалистическим воспитанием". Считается также, что преподавание русского языка призвано способствовать укреплению у польской молодежи "духа интернационализма". Эти примеры показывают, что, видимо, прав Кундера, говорящий о своем народе как о части комплекса, охватывающего Украину, Литву, Белоруссию и даже Польшу, хотя народы этих республик находятся на разных этапах "интернационализации". Что же это за "интернационализм", который грозит ликвидировать целые народы? По мнению современного ученого Кеннета Фармера, официальная советская идеология — или, как он предпочитает выражаться, "политический миф" — "пролетарского интернационализма" предполагает, что

"...советские граждане солидаризируются с определенными классами, а не с нациями, и что черты национального своеобразия будут постепенно исчезать по мере продвижения к коммунизму".

Как отмечает Фармер, этот миф базируется на скрытом признании

"...наследственного права русских на территории бывшей царской империи и предполагает, что интернациональная культура, которая возникнет с построением коммунизма, будет по существу русской культурой".²⁷

Принято считать, что статус независимых стран "социалистического содружества" отличается от статуса республик, входящих в состав СССР. Однако, так называемая доктрина Брежнева утверждает не только право, но и обязанность социалистических государств сообща защищать социализм, когда в любой из этих стран что-либо ему угрожает. Стремление экономически, политически и идеологически интегрировать все социалистические государства давно уже перестало быть тайной. Меньше, однако, говорят о том, что социалистическое содружество должно быть интегрировано также и лингвистически на базе русского

языка и что история народов, входящих в это содружество, должна быть переработана в духе "дружбы" с Россией — как новой, так и старой. Однако накапливается все больше свидетельств, что именно в этом хотя и дальняя, но вполне определенная цель Москвы.

С другой стороны, все более явное отождествление "коммунизма" с русской нацией, которое официально признается если не как уже осуществленная действительность, но как реальная перспектива, вырабатывает у намеченных жертв защитные механизмы. Становится ясно, что, как пишут Аллан Яник и Стефан Тоулмин, коммунистическая партия Советского Союза,

"... претендуя на 'руководящую роль' исторического лидера мирового пролетариата, освобождает себя от критики и суда точно так же, как это делали габсбургские императоры, ссылавшиеся при этом на божественное право".²⁸

Эти претензии мешают гражданам обсуждать публично "действительные нужды, интересы и конфликты", которые возникают в их обществах, и пытаться их разрешить с помощью конституционных механизмов государства. Поскольку формулировки всех проблем выдержаны в соответствии с постулатом незыблемой мудрости и авторитета партии, стремление преодолеть это "несоответствие конституционной видимости и политической реальности", толкает нерусские народы к национализму, который истолковывает их реальные жизненные проблемы как проблемы национальные (допустим, грузинские). Так возникает идея "естественного и простого выхода" из всех противоречий —

"... искусства официальной советской жизни — все без исключения, приписываются деспотически насаждаемой власти тупых русскоязычных бюрократов...".²⁹

Есть веские основания полагать, что тот же механизм срывает и в странах находящейся под советским господством Восточно-Центральной Европы. Разве все возникающие в этом регионе конфликты и кризисы не приобретают рано или поздно "националистическую", то есть антисоветскую или антирусскую окраску? Польский кризис 1980 года, например, начался с проф-

союзного движения протеста против государственной практики повышения цен. Но он быстро перерос в политический кризис и *национальную* революцию. Таков самый свежий пример, который показывает, как это происходит.

Но если дела обстоят именно так, появляется дополнительное основание для сомнений в достаточности узких "великодержавно-политических" критериев определения, что такое "Восточная" или "Восточно-Центральная" Европа. Следует, вероятно, вернуться к формуле Масарика, которая выходит за пределы споров о политических границах или сферах влияния, выделяя этот регион не только с политической, но и с этнической и с культурной точек зрения. Масарик, как мы помним, определял нации лингвистически, поддерживая их стремления к *культурному* самоутверждению и *политическому* самоуправлению наперекор реакционным режимам Вены, Берлина и Санкт-Петербурга. Масарик считал, что при деспотических авторитарных режимах (он не видел большой разницы между "царизмами" всех трех названных столиц) культурный национализм оказывается силой, которая отстаивает плюрализм культур, а следовательно, направлена на утверждение большей политической свободы.³⁰

Примечания

- 1 Oscar Halecki, *Borderlands of Western Civilization: A History of East Central Europe* (New York: Ronald Press Company, 1952).
- 2 Hugh and Christopher Seton-Watson, *The Making of a New Europe: R.W. Seton-Watson and the Last Years of Austria-Hungary* (Seattle: University of Washington Press, 1981).
- 3 Thomas G. Masaryk, "The Problem of Small Nations in the European Crisis", reprinted in R.W. Seton-Watson, *Masaryk in England* (New York: Macmillan, 1943), pp. 139-140.
- 4 "The Problem of Small Nations", *Ibid.*, p. 140.
- 5 Thomas G. Masaryk, *The New Europe (The Slav Standpoint)*, ed. by W. Preston Warren and William B. Weist (Lewisburg: Bucknell University Press, 1972), p. 52.
- 6 *The New Europe*, p. 96. *The Problem of Small Nations, Masaryk in England*, p. 140.
- 7 *The New Europe*, p. 118.
- 8 Там же, стр. 117.
- 9 Там же, стр. 123.
- 10 Там же.
- 11 Seton-Watson and Seton-Watson, *The Making of a New Europe*, p. 435.
- 12 *The Making*, pp. 435-436.
- 13 Alain Finkielkraut, "Milan Kundera Interview", *Cross Currents* 1, 1982.
- 14 Там же.
- 15 Там же.
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 Philip Rhoth's interview with Milan Kundera, *The New York Times Book Review*, November 30, 1980, p. 7.
- 19 Roman Solchanyk, "Russian Language and Soviet Politics", *Soviet Studies*, vol. 34, No. 1 (January 1982), pp. 27, 37-38.

- 20 Там же, стр. 36-37.
- 21 Milan Kundera. The Book of Laughter and Forgetting (New York: Knopf, 1981), p. 3.
- 22 The Book of Laughter, p. 159.
- 23 Marcin Krol, "A Frozen Image of the Past", Survey, vol. 25, No. 1 (Winter, 1980), p. 104.
- 24 Bohdan Cywinski, "The Poisoned Humanities", Survey, vol. 25, No. 1 (Winter, 1980), p. 97.
- 25 "Recenzja z Moskwy o polskich podręcznikach historii", Zeszyty historyczne, No. 57 (Paris, 1981), pp. 73-91.
- 26 Jan Nowicki, "Internacjonalizm puka do szkół", Głos, No. 5, reprinted in Głos, Niezależny miesięcznik społeczno-polityczny (Paris: Instytut Literacki, 1981), pp. 154-157.
- 27 Kenneth C. Farmer, Ukrainian Nationalism in the Post-Stalin Era: Myth, Symbols and Ideology in Soviet Nationalities Policy (The Hague, Boston, London: Martinus Nijhoff, 1980), p. 30.
- 28 Allan Janik and Stephen Toulmin, Wittgenstein's Vienna (New York: Simon and Schuster, 1973), p. 271.
- 29 Wittgenstein's Vienna, pp. 271-272.
- 30 Правительства многонациональных государств понимают, что соблюдение права наций на самоопределение угрожает целостности этих государств. В 1969 г., вскоре после советской оккупации Чехословакии, чешский историк Милан Шванкмайер опубликовал статью о Николае I и его борьбе против революционных движений в Европе в 1848-1849 гг. Шванкмайер показывает, насколько хорошо понимали русские цари, что "над Россией висит угроза распада и что воспрепятствовать этому может лишь сильная центральная власть. Гражданские свободы ставят под угрозу не только частные интересы империй, но и само их существование". (Milan Svankmaier, "Četník Evropy", Dějiny a Současnost, 4, Str. 10-11).

КОММУНИЗМ И ЮРИДИЧЕСКИЙ НЕОПОЗИТИВИЗМ *

1. Эволюция коммунистического права

В истории теории и практики коммунистической юриспруденции следует различать несколько этапов.

Первый период начался сразу вслед за советской революцией в октябре 1917 года. Новое революционное правительство провозгласило ликвидацию всей правовой системы, всех законов, которые были введены и обнародованы прежде. Революционные власти и граждане нового государства должны были действовать согласно новым правовым нормам и собственному пониманию революционной законности. Этот период был сравнительно краток. В начале 1920-х годов были разработаны новые кодексы законов и роль "революционного сознания" как критерия законности и справедливости стала исчезать.

Разумеется, и после этого за органами безопасности сохранялась неограниченная власть и они по-прежнему не признавали пределов в борьбе со всем тем, что объявляли контрреволюцией. Они не только боролись с врагами, которых сами же и определя-

* Глава из книги Mieczyslaw Maneli, Juridical Positivism and Human Rights, Hippocrene Books, New York, 1981.

Теория "юридического позитивизма" развилась из критики концепции "естественного права", которая была характерна для XVII-XVIII веков. Она утверждала, что каждый человек, каждый гражданин рождается свободным и "от природы" (некоторые говорили — от Бога) обладает определенными неотчуждаемыми правами, которые никто, включая и существующую государственную власть, не может нарушать. Эта теория обосновывала справедливость свержения монархий, которые обвинялись в неуважении к "естественным правам" подданных. Однако, — считает профессор Манели, — к нашему времени те права, которые прежде объявлялись "естественными", успели войти в законы, записаны в конституциях, утверждены в международных декларациях и договорах. (Прим. переводчика.)